

Олег РОЙ

УЛЫБКА ЧЕРНОГО КОТА

Олег Юрьевич Рой

Улыбка черного кота

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183804

Улыбка черного кота : Эксмо; М.: 2009

ISBN 978-5-699-30584-1

Аннотация

Антон Житкевич сам себя не узнавал. Он, молодой, но уже успешный ученый и весьма перспективный бизнесмен, никогда не веривший в приметы, предсказания и прочую мистику, привыкший полагаться только на факты, вдруг решил сделать татуировку. Впрочем, ничего удивительного. В глубине души, тайно, Антон надеялся, что эта авантюра изменит его судьбу.

Как только на спине Антона появилось изображение улыбающейся морды черного кота, перемены грянули как гром среди ясного неба... И это явилось всего лишь началом долгого пути к истине...

Содержание

Пролог	7
Часть I	28
Глава 1	28
Глава 2	37
Глава 3	44
Глава 4	54
Глава 5	63
Глава 6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Олег Рой

Улыбка черного кота

Сидни Шелдон говорил о технике сочинительства:

«Я пытаюсь писать так, чтобы читатель не мог закрыть мои книги...» Подобное можно сказать о писательском кредо Олега Роя. Увлекательнейшие истории, неожиданные сюжетные повороты, яркие образы сильных, незаурядных личностей стали причиной обращения кинематографа к творчеству писателя.

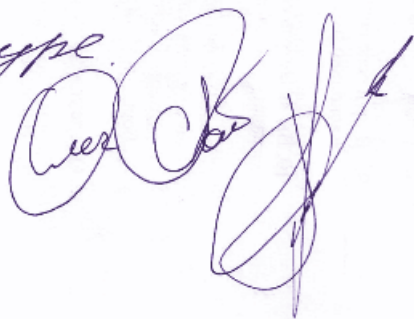
По его романам снимаются фильмы в России, Америке. Характеры персонажей автора раскрыты с удивительной глубиной и психологической точностью. Олег Рой пишет о вечном – о КАПРИЗАХ СУДЬБЫ, которая сегодня может лишить человека всего, что дорого в жизни, а завтра невзначай вернуть радость бытия. Но его герои, оказавшись на распутье, находят шанс, который дает им провидение, и становятся счастливыми. Перелистывая последнюю страницу захватывающего повествования, испытываешь жалость, что книга закончилась.

А. Маринина

Дорогой читатель „ЛитРес“!

Я очень рад, что именно
возможность обратиться
к каждому из Вас с
пожеланиями удачи,
счастья, любви... Ведь
именно эти слова
вы так часто будете
встречать в хорошей
литературе.

Ваш

A stylized handwritten signature in dark ink, consisting of several loops and a long, sweeping stroke that extends upwards and to the right.

Пролог

По недавно отремонтированной, ровной и гладкой дороге друзья домчались до аэропорта Шереметьево-2 на удивление быстро. Сергей, с детства слывший большим пижоном, вел свой новый красный «БМВ» с нескрываемым самодовольством и то и дело сыпал шутками; Антон же все больше отмалчивался, он курил сигарету за сигаретой и, глядя в окно на пробегавшие поля, думал о своем пятилетнем сыне. Антон впервые расстался с мальчиком и был не уверен, что Костик перенесет разлуку легко и безболезненно...

Автомобиль играючи выдавал свои коронные сто сорок километров в час, однако в его комфортном салоне почти не ощущалась такая невероятная даже для московских дорог скорость. Молодые люди не успели оглянуться, как центр города остался далеко позади.

Февраль выдался в столице теплым, пасмурным. С утра шел дождь, а к вечеру подморозило, и красная машина легко неслась по тонкой ледяной корке шоссе. Извечные лужи куда-то подевались, и друзья лениво замечали вслух, что столичная слякоть скорее возникает не от потепления, а от той самой соли, которой, вопреки запрету московских властей, упорно посыпают улицы... Сергей привычно трепался о работе, общих знакомых. Антон же задумчиво созерцал нечеткие контуры темного мокрого леса, размытую даль полей,

тонкую сетку февральского дождя – точно пытался запомнить этот пейзаж, с которым расставался как минимум на полмесяца, – и сердце его, вопреки всем доводам рассудка, сжималось от бессмысленной, ничем не объяснимой, но такой острой тревоги.

Самолет из Парижа в Пекин, транзитом следовавший через Москву, вылетал поздно ночью. Рейс был выбран Антоном по совету Сергея. Приятелю не раз приходилось бывать в Китае – в детстве он летал на каникулы к отцу-дипломату, когда стал старше – на студенческие стажировки и, наконец, уже по собственным служебным надобностям, на работу – в Пекин, в российское посольство.

Ранний зимний закат окрасил низкое пасмурное небо в розовато-лиловые тона. Голос Сергея звучал не переставая, и Антон, чтобы заглушить беспричинную тоску, которая грызла его все последние месяцы, попытался сосредоточиться на наставлениях друга:

– В самолете народ будет разный, Антоша, но ты не тушуйся; в основном всем спать захочется, и ты спи – ночь ведь. Садись, куда посадят, насчет проставленного в билете места не упирайся. Рейс у тебя надежный, экипаж китайский, все будет отлично. И не стесняйся брать напитки, когда стюардессы будут разносить. Это бесплатно. Если захочешь, можешь купить у них же чего-нибудь покрепче. Понял?

– Понял, – эхом откликнулся Антон.

Сергей наставительно продолжал:

– Как выйдешь из самолета и доберешься до телефона – сразу позвони. Ты же знаешь, я не успокоюсь, пока не услышу, что у тебя все нормально...

Еще со школьных лет у Сергея выработался покровительственный тон в обращении с Антоном. Уверенный в себе, всегда безукоризненно и дорого одетый, этот темноволосый красавец не случайно был лидером и заводилой в их компании. Только... Антон посмотрел на приятеля, а потом снова бросил взгляд на дорогу. Заводилой-то, несомненно, был Серега, но Светка почему-то выбрала в мужа его, Антона... Когда-то это казалось ему наивысшим счастьем. А теперь...

– Мечтайте осторожнее: мечты имеют обыкновение сбываться, – неожиданно для себя самого пробормотал Антон вслух.

– Ты что-то сказал? – мгновенно откликнулся Сергей.

Антон резко покачал головой:

– Нет. Ничего.

У шлагбаума Сергей заплатил за проезд в зону аэропорта – это было новое для Москвы, уже постсоветское «завоевание» российского капитализма, – и приятели поехали к месту парковки.

Командировка Антона в Пекин была ответственным мероприятием для обоих. Но Антон, как главный в их команде, сначала должен был посетить Китай один. Ему, молодому доктору наук и ведущему российскому специалисту в области инновационных биотехнологий, нужно было предста-

вить китайским партнерам фирму с научной стороны, посмотреть лаборатории и познакомиться с условиями работы. А через неделю, на завершающей стадии подписания контракта, к Антону уже планировал присоединиться Сергей. И тогда уже они решат остальные, не менее важные вопросы, связанные с финансовыми условиями сотрудничества. Впрочем, в прибыльности затеянного дела можно было не сомневаться – контракт с известной китайской фармацевтической фирмой просто по определению не мог быть невыгодным.

Антон вынул из багажника небольшой новенький чемодан и портплед с пиджаками. И к чему столько одежды, с досадой подумал он. Портплед Антон взял опять же по настоянию друга. Его бы воля, он бы точно отказался от всей этой кучи ненужных вещей! Но ничего не поделаешь – деловой визит.

Беззлобно чертыхнувшись, Антон попытался удержать в руках нетяжелый, но громоздкий багаж и еще раз произвольно вздохнул. Да уж, будь его воля, он бы точно полетел в Китай с обычным рюкзаком! А что? Удобно и без проблем – засунул в верхний шкаф над сиденьем в самолете, и все дела. Потом не пришлось бы ждать выдачи багажа, время тратить... Однако ничего не попишешь: положение обязывает. Вступаешь в мир большого бизнеса, изволь соответствовать.

Не торопясь, молодые люди прошли через автоматически разъезжающиеся стеклянные двери. Голос из динамика тонул в гудении огромного зала. На большом табло в строке

рейса компании «Чайна лайн» уже светилась пометка о начавшейся регистрации.

Друзья попрощались перед заграждением у таможенного поста. Сергей долго жал приятелю руку, хлопал по плечу и торопливо давал последние советы, смешно причмокивая. Пожалуй, это был единственный внешний недостаток Сергея – недостаток, который ему так и не удалось изжить: когда Сергей начинал волноваться, он всегда смешно причмокивал.

Пожелав наконец друг другу ни пуха ни пера, приятели расстались. Сергей остался ждать у ограждения, а Антон, миновав таможенников, быстрым шагом направился к стойке регистрации.

Ему предстоял долгий беспосадочный перелет: до Пекина, считай, почти восемь часов. Антон удобно устроился в кресле и постарался расслабиться. День был суетным, хлопотливым, но он, к счастью, уже заканчивался.

Антон мысленно перенесся домой. Костик и Настя наверняка сейчас ужинают. Сын рассказывает, что нового произошло у него в саду, что сделал или сказал его друг Ваня и какую башню они построили из кубиков. Антон улыбнулся, представив, как Костик забавно разводит в сторону руки и тянет: «Во-о-от такую широченную и высоченную!» После ужина сын еще немного поиграет перед сном, пока Настя моет посуду и убирает на кухне, а потом ляжет спать. Настя посидит рядом с его постелькой, почитает сказку, пока он не

заснет, и... Неожиданно Антон поморщился, нет, все-таки скверно, что он разлучился с сыном. Настя, без сомнения, справится со всеми обязанностями – Костик уже большой, а она девушка ответственная, – но все равно это непорядок.

Антону досталось кресло в хвосте самолета. «Боинг» надсадно гудел, набирая высоту. Тяжелая пряжка ремня безопасности холодила кожу живота сквозь тонкую ткань рубашки. Антон знал, что его ждет напряженная и нервная неделя; надо было выспаться, чтобы утром, после ночного перелета, сразу приняться за дела.

Прикрыв глаза, он вслушивался в журчащую по соседству незнакомую речь. Его попутчики в основном были китайцы, возвращавшиеся домой. Молодежь студенческого вида, бизнесмены – люди молодые, но солидные, степенные семейные пары...

Антон подозвал стюардессу и попросил не будить его, когда станут разносить ужин или напитки. Девушка озабоченно посмотрела на Антона, затем на номер кресла, доброжелательно кивнула и ушла. Антон снова закрыл глаза, устроился поудобнее в кресле, расслабился и провалился в глубокий сон.

Проснулся он оттого, что машину сильно тряхнуло. Антону показалось, что самолет пошел на посадку. Так оно и было: ровно гудя, мощная машина начала снижаться, преодолевая густое молоко плотных облаков, – над Пекином стоял сильный туман, погода оказалась пасмурной. Вдруг раздал-

ся мощный грохот, от сильного удара распахнулись дверцы верхних шкафов, и на пассажиров посыпалась ручная кладь. Антон рванулся с места, чтобы посмотреть на кабину пилота, однако ремень безопасности резко ограничил его движения. Попытавшись отстегнуться, Антон схватился за пряжку, но в этот момент его стукнуло по голове чем-то тяжелым, в глазах потемнело, и сознание отключилось.

Самолет не долетел до китайской столицы всего пару десятков километров. При снижении машина врезалась левым крылом в гору и стала падать. Вспыхнули баки с топливом. «Боинг» развалился на несколько частей; его нос врезался в землю. Отколовшийся хвост лайнера падал отдельно от других частей машины, и мощные кроны старых сосен смягчили его удар.

От пожара в самолете погибли почти все – стюардессы, члены экипажа, пассажиры первого класса, пассажиры бизнес-класса. И лишь четверо путешественников из эконом-класса, которые сидели в самом хвосте, остались живы: огонь, видимо, был сбит сильной струей воздуха при падении хвостовой части.

Среди четверых выживших пассажиров оказался и Антон. Его место было справа, в самом конце самолета. После удара по голове тяжелым кофром Антон потерял сознание и так и остался сидеть в кресле, пристегнутый ремнем безопасности. Обожженными у него оказались лицо, грудь, руки и ноги... Спина, как ни странно, совсем не пострадала. В том же

рядом, что и Антон, у окна сидела молодая китайская пара – беременная женщина и ее муж; они тоже выжили, хотя и находились в тяжелом состоянии. Четвертым уцелевшим был полный мужчина средних лет. При ударе о землю его выбросило из кресла, и он получил такое количество переломов, что спасатели с трудом смогли переложить пострадавшего на носилки, опасаясь за его жизнь.

* * *

Трагическое известие, переданное всеми новостными программами мира, пришло в Москву к вечеру следующего дня. Однако список погибших российских граждан появился в китайском посольстве в Москве лишь через трое суток; Антон среди них не числился. Для родственников, коллег, партнеров и друзей Антона это означало безумную, почти несбыточную, но все же надежду – он жив.

Пациентам дорогой частной клиники, в которой лечился отец Антона, было разрешено смотреть вечерние новости. Как только закончился сюжет про авиакатастрофу в Китае, Николай Васильевич Житкевич, сидевший все это время перед телевизором затаив дыхание, быстро поднялся с кресла и направился к себе в номер. Побросав в сумку необходимые вещи, он молча прошел мимо дежурного врача и, никому ничего не сказав (Житкевич-старший привык все решения принимать самостоятельно), покинул стены своей ком-

фортабельной тюрьмы. В последнее время Николай Васильевич именно так, тюрьмой, и называл этот наркологический диспансер, добавляя иногда – для разнообразия, – что пребывает на лечении в эксклюзивном месте для безвольных лентяев... Врачи, понимая, что этот солидный мужчина преклонного возраста не только выведен из состояния запоя, но и полностью приведен в норму, не спорили с пациентом. Они не могли не видеть, что психологическая зависимость от рюмки в нем ослабела, почти исчезла, однако оставили его здесь еще на месяц по просьбе сына, который оплатил лечение, желая проверить, насколько закрепился эффект терапии. Сейчас доктора клиники не собирались препятствовать уходу Житкевича, но, разумеется, все выглядело бы совсем иначе, если бы больной не считался ими полностью готовым к выписке.

– Борис Викторович, Житкевич уходит, – тихо проговорил в трубку прямого переговорного устройства дежурный врач.

– Пусть идет, – последовало в ответ негромкое распоряжение. – Нам все равно пришлось бы его отпустить в этих обстоятельствах. Ты ведь слышал, Женья?..

Молодой ординатор кивнул, он тоже следил за последними известиями и знал, что сын Житкевича собирался на днях улететь в Китай...

А тем временем Николай Васильевич, даже не подозревавший, что в другой ситуации его непременно задержали

бы уже при выходе из корпуса (он не дошел бы даже до проходной), упруго и размашисто шагал по шоссе. На железнодорожной станции Житкевич сел в первую же электричку и поехал в Москву. Была уже глубокая ночь, когда Николай Васильевич добрался до квартиры сына. Стараясь не будить Настеньку, Житкевич до утра просидел на кухне, а в восемь проводил внука в детский сад и поехал в китайское посольство.

Вечером, приехав ни с чем, Николай Васильевич рассказал Насе о катастрофе. У девушки опустились руки, на него же самого страшное известие, напротив, действовало мобилизующе, его реакция была вполне мужской и правильной – собрать все силы, действовать во что бы то ни стало, надеяться до последнего и искать, искать, искать Антона... Все последующие дни Житкевич оставался бодр, полон сил и энергии. Он принял решение посвятить себя воспитанию внука и с этого дня забыл о водке.

Костик узнал новость об отце последним. Разумеется, он не мог еще осознать всех размеров своей утраты; ему сообщили только, что папа заболел, из командировки вернется попозже. Но у ребенка, фактически выросшего без матери, было обостренное чувство любви и потери. По лицам взрослых, по заплаканным Настиним глазам Костик не то чтобы догадался, а скорее почувствовал: случилось что-то по-настоящему серьезное. Мальчик потянулся к деду всей душой, а ведь знал его до этих пор совсем мало.

Для отца Антона и его сына авиакатастрофа китайского лайнера была личной, ни с чем не сравнимой трагедией. Зато Светлана, жена Антона и мать Костика, вначале восприняла известие о крушении самолета почти как благоую весть. Для нее смерть Антона являлась внезапным освобождением и разрешением всех проблем.

Они с Сергеем узнали о случившемся едва ли не самыми первыми. Сергей тут же принялся нервно названивать в аэропорт. В справочной отвечали уклончиво: список погибших уточняется, окончательные данные китайской стороной еще не предоставлены...

Сев в машину, Сергей со Светланой помчались в Шереметьево. Сергей понимал, что, скорее всего, толку от этого мало – так, неумелая попытка сделать хоть что-нибудь и успокоить собственную совесть, – но он хотел лично поговорить с администратором, узнать, к кому обращаться, выяснить, есть ли хоть какая-то надежда... Сергей взял с собой Светлану, потому что она по-прежнему официально значилась женой Антона и у нее были нужные документы.

Потолкавшись у стоек, они наконец нашли дежурного по аэропорту. Тот старался держаться как можно более ровно, предложил поговорить с местным психологом и сказал, что точные сведения о катастрофе поступят позже.

По дороге обратно, когда они, устав от бесполезных блужданий по кабинетам, мчались по пустому ночному шоссе домой, Светлана внезапно начала рыдать. «За что мне такое?! –

кричала она. – Он меня бросил, оставил почти без средств. Как он мог?» Сергей раздраженно прикрикнул на нее: «Очнись, что ты несешь? Человек, может быть, погиб, а ты только о себе думаешь. У тебя сын есть, о нем подумай! И рано еще мужа твоего хоронить. Там же трое мужчин выжили. Надо лететь в Китай, а не кликушествовать здесь».

Сергей, не задумываясь, почти машинально бросал ей какие-то правильные, нужные в этот момент слова, а сам думал про себя, что Антон оставил ему в наследство свою истеричную дуру, и теперь уже ему точно от Светки не отвязаться и придется всю жизнь с ней мучиться...

Совершая все эти продиктованные нормальной человеческой реакцией действия, разговаривая с людьми, Сергей в глубине души постоянно взвешивал последствия произошедшей катастрофы для только что возникшей фирмы и для себя лично. Оказывается, провидение, вмешавшись в судьбу Антона, основательно позаботилось о будущем Сергея.

Антон оставил ему право вести переговоры, практически все документы, всю информацию – он ведь всегда был доверчивым, совсем не умел просчитывать риски. У Сергея остался также солидный пакет акций. Вторая половина по закону должна была перейти Светлане и ее сыну. Существовала еще какая-то персона, заинтересованная в прибылях новой фирмы, – Сергей не успел толком вникнуть, кто это. Чья-то внучка, дочка... в общем, черт ее знает кто. Выяснение этого можно было оставить на потом; Антон говорил: это что-

то семейное, значит, тоже завязано на Светку... Получалось, практически все денежки поплывут в руки к нему, к Сергею, полновластному и теперь единственному распорядителю фирмы. Он, единственный теперь, имел право вести переговоры, подписывать контракты, принимать решения; Антон выдал ему это право сразу после регистрации их новой фирмы. К тому же Сергей почти в совершенстве знал китайский язык. Предполагать, что безмозглая и ленивая Светлана захочет всерьез заниматься делами, было бы просто смешно. Значит, теперь он сможет выстроить бизнес так, как ему захочется. Он – настоящий, а не номинальный хозяин. И фирма и бизнес принадлежат ему.

Получалось, китайская катастрофа для Сергея – просто подарок судьбы. Такое бывает раз в жизни...

«Вероятность того, что Антон выжил при падении с такой высоты и уцелел после пожара, минимальна, – рассуждал Сергей. – Но в Китай на опознание все-таки надо лететь, и как можно быстрее. Информацию о том, что четверо человек выжили в катастрофе, нужно проверить».

Приняв решение, Сергей окончательно обрел свою всегдашнюю невозмутимость. Светлана же немного успокоилась лишь наутро, когда собиралась в китайское посольство подавать документы на выездную визу. В первый момент, узнав новость, она растерялась, затем мгновенно и как-то постыдно обрадовалась, потом, на ночном шоссе, впала в непонятную панику: ей казалось, что жизнь кончена, что Антон

подло поставил ей подножку в тот самый момент, когда ее судьба была почти устроена. Но теперь, безмятежно проспав остаток ночи и совершенно успокоившись, Светлана строго приказала себе радоваться. Все к лучшему. Выжить после такой катастрофы невозможно. Антон наконец-то освободил ее от тягостного и ненужного супружества. Она долго бы еще тянула с разводом, не решаясь что-либо предпринять, но судьба распорядилась иначе.

«Антошку, конечно, жаль, – Светлана сентиментально вздохнула и уронила несколько слезинок, – но ничего. Он был таким наивным, любящим, совсем не злым. И кто виноват в том, что она его не любила и никогда не смогла бы полюбить так, как любит Сережу...»

В общем, легкий, почти приятный укол совести Светлана все же ощутила, но после этого к ней пришло и внутреннее облегчение. Все чувства и мысли перемешались, но разобраться в них было некогда. Да она и не любила копаться в себе, никогда не загружалась бесплодными раздумьями.

Визу Светлане Житкевич и Сергею Пономареву дали уже на следующий день, они поспешно стали собираться в дорогу. Сергей предупредил партнеров, чтобы их встретили в пекинском аэропорту, а в гостинице забронировали два номера.

Он еще раз жестко напомнил Светлане, что ей необходимо вести себя прилично и – главное – до конца выдержать роль безутешной вдовы. «Я для тебя почти чужой человек,

просто партнер мужа, и только», – методично и настойчиво внушал он растерявшейся женщине. Светлана согласилась с ним, но просила не оставлять ее без поддержки – она боялась забыться и запутаться. Светлане было по-настоящему страшно, ее по-прежнему бросало из стороны в сторону. То она действительно злилась на Антона – ей казалось, что он во всем виноват и чуть ли не нарочно подстроил ей это испытание, – то ее начинала душить острая жалость к нему и к себе. Она вспоминала, как он ее любил, как доверял ей, как легко его было обмануть. Вспоминала его лицо, руки, родинку на левом плече, смешную ямочку под коленкой – все те пустые и нежные мелочи, которые могут быть известны о мужчине женщине, долго делившей с ним постель, бывшей ему по-настоящему близкой, даже если эта близость потом ушла навсегда.

Светлана то и дело вновь начинала истерично рыдать, требовала сочувствия, преданно и беспомощно заглядывая окружающим в глаза. От сумбура чувств и творившегося в душе смятения у нее не было сил куда-то лететь. Она не представляла, как будет разговаривать с чиновниками, как будет смотреть на искалеченных людей и опознавать кого бы то ни было. Светлане казалось, что никто ее не понимает, искренне ей не сочувствует, не говорит настоящих слов утешения.

Компания «Чайна лайн» сделала Светлане и Сергею специальный билет, и уже через сутки после получения визы они прилетели в Пекин. Сергей держался уверенно, здесь все ему было знакомо с детства; Светлана же притихла, оробела и только то и дело крутила головой по сторонам. Все было незнакомым, чужим, но при этом каким-то невероятно близким, словно ты вернулся в страну своего детства или город, который уже успел подзабыть: просторные проспекты и огромные площади, так сильно напоминавшие гигантоманию родной Москвы, лозунги на кумаче с профилями Маркса, Энгельса и Ленина, изображения Сталина и Мао.

Светлана с интересом смотрела на мелькавшие за окном автомобиля урбанистические пейзажи, и ее волнение постепенно начало проходить. Она почти успела забыть, по какой причине оказалась в этом азиатском городе. Однако Сергей был настороже и не давал ей слишком громко и беззаботно щебетать в машине, то и дело останавливая взглядом или же незаметным поглаживанием руки. Он не хотел вызывать закономерного недоумения шофера-китайца, который знал, что сопровождает вдову несостоявшегося российского партнера их фирмы.

Приняв душ в гостинице и переодевшись, они, после легкого завтрака, немедленно отправились в клинику. Тот же

шофер доставил их к дверям огромного серого здания главной травматологической больницы Пекина. В отделе реанимации, где лежали выжившие жертвы авиакатастрофы, было тихо и пустынно. В ярко освещенных, чистых больничных коридорах, которые мало чем отличаются друг от друга во всем мире, слышалась тихая речь и приглушенное жужжание приборов; специфический медицинский запах нес в своем китайском варианте лишь едва уловимую примесь каких-то восточных благовоний.

Светлане и Сергею предстояло провести опознание двух выживших пассажиров мужского пола. Третий парень, молодой китаец, был в сознании, и его в расчет не брали.

Их провели в реанимационную палату, где стояла одна-единственная кровать. На ней лежал очень полный мужчина средних лет европейского вида. Его тело было опутано проводами и прикрыто простыней, часть лица скрывала повязка. Человек тяжело дышал и явно был без сознания. По очертаниям крупной рыхлой фигуры, по широким, не закрытым простыней ступням, по короткопалым рукам, покрытым седыми волосками, Светлана с Сергеем мгновенно поняли, что этот человек никак не может быть тем, кого они ищут. По возрасту он годился бы Антону в отцы.

У второй двери Светлана замерла и перекрестилась. Ее охватил настоящий ужас. В противоожоговой камере в глубоком забытии лежал молодой мужчина. Голова, шея, уши были густо покрыты белой мазью. Толстый слой специаль-

ного средства скрывал черты лица, человек был как будто в маске. Глаза его были плотно закрыты, ресницы опалены, и лишь выходящие из носа и рта трубки свидетельствовали о том, что в пациенте еще теплится жизнь.

По росту, по общему очертанию тела он напоминал Антона. Обгоревшая кожа на груди и ногах была покрыта салфетками с мазями различных цветов, и Светлана сквозь наворачивающиеся на глаза слезы могла разглядеть лишь что-то вроде оранжевой облепихи – белоснежную медицинскую присыпку, обгоревшее коричневое мясо, прозрачные водянистые пузыри...

Заметив, как русская женщина покачнулась, едва не упав в обморок, стоявший рядом китайский врач придержал ее и спросил через переводчика, были ли у Антона Житкевича какие-нибудь особые приметы. Светлана отрицательно замотала головой: ни больших родимых пятен, ни бородавок, ни шрамов – ничего этого не было. Кому ж это и знать, как не родной жене! Правда, у Антона были очень изящные, хрупкие, словно у женщины, ступни ног и кисти рук, но все эти части тела оказались в послеожоговых отеках, по ним ничего не определишь.

– Мы хотели бы задать вам конкретный, прямой вопрос, – медленно произнес медик, и переводчик, с трудом подбирая русские слова, выполнил свою работу. – Думаю, все ваши сомнения сейчас рассеются. Скажите, у вашего мужа были татуировки?

Светлана недоуменно и с каким-то облегчением замотала головой. Ее слезы высохли.

– Да бог с вами! Муж никогда бы не стал заниматься подобными глупостями. Он относился ко всем этим молодежным штучкам с большим пренебрежением, был противником всякого украшения и абсолютно не интересовался модой. Он ученый, исследователь, а не какой-нибудь там рокер-музыкант.

– Тогда взгляните сюда. – И две хорошенькие медсестры, похожие друг на друга как две капли воды, по знаку врача быстро приоткрыли камеру и очень бережно, за одно плечо приподняли больного. На спине мужчины имелась татуировка – здоровенная лукавая морда черного кота.

«Вот чертяка! Выжил-таки!» – ахнул про себя Сергей. Если бы Светлана в этот миг смотрела на него, то, вероятно, она догадалась бы, о чем он думает. Но жена Антона не могла оторвать глаз от больного, она с изумлением смотрела на татуировку и почти любовалась ею. Надо же, как мастерски выполнена, как изобретательно нарисована, с невольным восхищением отметила она. Это был настоящий шедевр – от любого движения мускулов, от малейшего поворота спины казалось, будто морда кота меняла свое выражение: кот двигался, шипел, подмигивал, словом, был как живой... Однако, быстро опомнившись, Светлана разочарованно развела руками, и медсестры, осторожно опустив больного, снова закрыли камеру.

Теперь все сомнения Светланы разом улетучились. Этот человек, немного похожий на Антона Житкевича, никак не может быть ее мужем. Это ясно как белый день, тут даже и обсуждать нечего.

Светлана решительно повернулась и вышла из палаты. А Сергей, почти потерявший дар речи от всего происходящего, еще несколько минут оставался рядом с барокамерой. Он не мог понять, почему так внимательно и тревожно смотрит на него китайский врач, но предпочел не выдавать своего знания языка и так и не промолвил ни слова.

Внизу, в регистратуре, полицейский оформил протокол опознания. Светлана уверенно подтвердила, что оба пострадавших в авиакатастрофе ей абсолютно незнакомы.

Через два дня Сергею и Светлане выдали маленький цинковый ящик с останками, которые принадлежали кому-то из пассажиров злополучного рейса. Понятно было, что это фрагмент общей могилы, однако ничего другого китайские власти предложить не могли. Цинковую капсулу повезли в Россию.

По дороге в аэропорт Светлана плакала, ей было страшно в чужой стране и отчего-то очень жалко себя. Мелькавшие за окнами машины, трепавшиеся на ветру кумачовые полотнища, огромные иероглифические надписи и новые чистые улицы Пекина теперь оставляли ее совершенно равнодушной. Светлана покидала Китай, чувствуя странное отвращение к этой стране. Люди и сам дух Азии казались ей враж-

дебными и коварными.

Отец Антона, Николай Васильевич Житкевич, настоял, чтобы останки сына захоронили рядом с могилой матери, в ограде, на Кунцевском кладбище. Через год здесь был поставлен памятник – общий для матери и сына. Сюда приходили лишь те, кто оставался по-прежнему близок Антону, кто тосковал по нему и помнил его живым, – отец, сын Костик и Настенька.

Часть I

Глава 1

Я вижу их всех точно сквозь дымку времени – Анто-на, Сергея, Светлану... Настало время признаться: я хорошо знаю их, они были моими друзьями, мы даже учились в одном классе – те, о ком я сейчас пишу. И все же, вспо-миная эту историю, все время думаешь о ее нереальности. Слишком много странного и жестокого произошло с этими людьми. Слишком сильно изменило их время. Слишком хо-рошо я прочувствовал их удачи и падения, свершения и по-тери... Только если вам вдруг покажется, что вы тоже узна-ли этих людей, прошу вас, не торопитесь с выводами. Как говорится, аллюзии запрещены. Поверьте, вы не могли знать моих героев. Вы с ними никогда не встречались...

Стоит мне только закрыть глаза, и я вижу ее, Светлану, – худенькую длинноногую девушку, легкую и пугливую лань с большими глазами, гибкую опасную кошечку. Она всегда была такой, всегда напоминала красивого и опасного зверька – с самого детства. Мать Светланы была обыкновенной за-кройщицей в ателье, с небольшим окладом, с вечными дол-гами и унижительным «дотягиванием» от получки до получ-ки. Женщина старалась изо всех сил, чтобы дочка выглядела

не хуже других и ни в чем не нуждалась, но это получалось у нее не всегда.

В те времена в столичном центре обеспеченные девочки-подростки уже вовсю щеголяли обновками из валютной «Березки», красились дорогой косметикой, привезенной родителями или знакомыми из-за рубежа, сходили с ума по модным дискам. Мать Светы, хоть и работала сверхурочно, брала заказы на дом, перекраивала из старой одежды для дочери юбки, брюки, иногда даже пальто и куртки, все равно денег отчаянно не хватало. И острая нехватка их, при всей изобретательности, мастерстве и трудолюбии матери, сказывалась постоянно, прежде всего на одежде девочки.

Именно бедность, которую нельзя было ни скрыть, ни замаскировать, чуть не испортила Свете отношения с ребятами в нашем классе. Девочка от природы была одарена хорошей памятью и старательностью, мать привела ее в одну из лучших школ района в пятом классе. Это был тот самый возраст, когда к обычной детской жестокости прибавляется еще и подростковая неуправляемость, желание найти чужака в стае и показать свое преимущество перед ним, но Светина мама, разумеется, об этом не думала. Зато ее девочке пришлось столкнуться со всем этим довольно быстро.

Света еще не успела привыкнуть, оглядеться, как в первую же неделю сентября ее поджидал серьезный удар по самолюбию. Классная руководительница Валентина Ивановна объявила во всеуслышанье список «бесплатников» на обеды в

школьной столовой. В восьмидесятые годы, на закате социализма, в нашей стране так было еще принято: если средний оклад в семье составлял менее восьмидесяти рублей на человека (а тем более если семья была неполной, с одним родителем, как у Светы) да если прибавлялось еще и соответствующее письмо-ходатайство от предприятия, ученика ставили на довольствие и кормили в школе за счет государства. Список ребят от нашего класса оказался коротким, он состоял всего из одной фамилии. И это была фамилия Светы – Журавина.

Весь класс, и главным образом девочки, на перемене поднял новенькую на смех. До ее прихода в коллективе не было детей из неимущих семей. И нашим благополучным девчонкам – школа-то была центральная, в одном из арбатских переулков – такое явление показалось диким, а чужая бедность какой-то постыдной. И девочки, пошептавшись во время первого же большого перерыва между уроками, собрались вокруг Светы Журавиной сначала молча, только с хихиканьем и переглядываниями. А потом началось:

– Если ты такая бедная, то зачем тебя перевели в самую лучшую школу района? Мы тебя не звали...

– Девчонки, а может, нам всем скинуться Светке на еду?

– У вас что, денег не хватает? А может быть, твоей маме сшить мне брюки, а за это я стану платить за твои обеды, ну, хотя бы месяц?

Последняя реплика переполнила чашу Светинового тер-

пения. Она залепила однокласснице звонкую пощечину, и вскоре уже отличница и красавица Алина, обливаясь злыми слезами и потирая красную щеку, сидела в школьной медсанчасти, а Света – в кабинете директора. Как ни странно, именно с этого момента Журавина стала лидером среди одноклассниц, хотя и потом ее всегда скорее побаивались, нежели любили.

Больше всего на свете девочке захотелось доказать сверстникам и самой себе, что она такая же, ничуть не хуже ее одноклассниц. Правда, на всю оставшуюся жизнь «не хуже» в Светиных глазах стало синонимом слова «богаче» и означало «у нас такое тоже имеется»... И некому было объяснить ей, насколько опасный крен сделало в тот самый миг ее сознание.

Тогда же у Светы появилось и стремление утвердиться в жизни любой ценой. Ей казалось, что проще всего это сделать в спорте. Она уже занималась художественной гимнастикой, правда, особых чудес не демонстрировала, но способности у нее были – гибкая, ритмичная, к тому же обаятельная и упорная. Такие качества встречаются не так часто, и тренеры хвалили ее. Мать была довольна, что девчонка под присмотром, и поощряла ее занятия.

Света и раньше любила ходить в спортзал, а с того момента, как она осознала свою непохожесть и крайнюю, как ей казалось тогда, бедность, она стала заниматься гимнастикой с настоящей самоотдачей. И на брусьях, и на бревне, и со

скалкой Света работала с утроенным старанием.

К двенадцати годам, когда девчонки начинают стесняться своей неуклюжей фигуры, выпирающей из-под кофточки груди, когда они принимаются отчаянно сутулиться, чтобы спрятать рост, Света научилась до конца управлять своим гибким и сильным телом, поняла себе цену и прекрасно почувствовала, что значит иметь по-настоящему женственный облик. Теперь к слову «богатство» в списке ее внутренних ценностей навсегда прибавилось и слово «красота».

В девятом классе у Светы появились два настоящих друга – Антон и Сергей. Именно с ними она чувствовала себя наиболее уверенно и раскованно. Именно с ними, а не с девочками (подруг у Светы так и не появилось) она могла позволить себе поболтать на любые темы, зная, что они поймут ее, как никто другой. Для этих ребят Света была вне критики. Парни смотрели на нее с обожанием, слушали ее уверенные речи, поддерживали все ее затеи – поболтаться по улицам просто так или сбежать с уроков на утренний сеанс в кино... Антон и Сергей сопровождали ее повсюду, охраняли и развлекали, как могли, были ее верными рыцарями. Конечно, времени у всех троих было мало – занятиями, помимо школьных, родители загружали их на полную катушку, в соответствии с правилами тех лет, но для дружбы время находилось всегда.

Антон и Сергей были закадычными друзьями с детского сада. Знаете, как это бывает, если люди всю жизнь живут на

одном месте: сначала рождаются в одном роддоме, потом мамы рядышком выгуливают их по скверу в колясках, потом они оказываются на соседних горшках в группе детского сада, а чуть позже – соседями по парте в первом классе... И у Антона, и у Сереги семьи были с достатком. И у того, и у другого благополучие и социальный статус семей держался на отцах. Дипломат и известный ученый – это были вершины советской иерархии должностей и званий, максимум того, что могла предложить судьба советскому человеку.

Отец Сергея занимал высокий пост в Министерстве иностранных дел, и в ту пору, когда парень доучился до девятого класса, уже стал послом СССР в Китайской Народной Республике. Сергей принимал все почести, неизменно выпадавшие на долю «родственников посла», как должное. Внутренне собранный и честолюбивый, внешне он походил на мать, и в результате оказалось, что Сергей сумел взять от родителей все лучшее.

К пятнадцати годам это был рослый молодой человек с красивым, породистым лицом. Сергей всегда превосходно учился; его подчеркнутый аристократизм, уверенная манера держаться, а главное, высокий социальный статус семьи внушали педагогам уважение к юноше. При этом парень был незаносчив, сообразителен, в меру исполнительен, хотя и не любил напрягаться, – и все это обеспечивало ему ровную и прямую дорогу к золотой медали.

Золотую медаль в качестве жизненной задачи номер один

определил для него отец. Он составил для сына схему построения успешной карьеры, первой ступенькой в которой была отличная учеба в школе. В этой семье понятие долга, обязательства всегда находилось на первом месте, и своей успешной жизненной дорогой родители Сергея не в последнюю очередь были обязаны этим качествам. В результате их успехов у Сергея началась совершенно особенная жизнь, резко отличавшая его от одноклассников и роднившая его скорее со сверстниками на Западе, нежели с советскими школьниками.

Мать Сергея обязана была как жена посла почти постоянно находиться с мужем в Китае; Сергею же решили дать возможность доучиться в московской школе, и на все каникулы он ездил к родителям за границу, а в учебное время оставался под присмотром нянек и тетюшек, с которыми лихо справлялся. В меру проявляя послушание и в меру обманывая взрослых, а также умело манипулируя учителями, Сергей начал мало-помалу вести тот образ жизни, который считал нужным. Ночных клубов в Москве, правда, тогда еще не существовало, но кое-какие развлечения уже имелись, и Сергей Пономарев, никогда не знавший ограничений в деньгах, с удовольствием проводил время в молодежной тусовке. К счастью, он был достаточно умен и сообразителен, чтобы не слишком откровенно кичиться своим достатком перед друзьями, и удачно избегал пьянства и наркотиков, до которых нетрудно было скатиться в столь юном возрасте молодого

му богатому шалопаю из обеспеченной семьи.

Регулярные поездки за границу, пусть даже всего лишь в КНР, казались сверстникам Сергея чем-то почти невероятным. Для многих одноклассников его образ жизни был предметом постоянной, плохо скрываемой зависти. Однако они не догадывались, что и обязательств у Сергея было не меньше, чем удовольствий. Он строго следовал определенному плану и постоянно находился под родительским контролем. Семья обязывала Сергея Пономарева быть первым в учебе, причем окончание школы с золотой медалью было лишь первым шагом на пути к осуществлению долгосрочного плана. Далее – МГУ, одно из его популярнейших подразделений – Институт стран Азии и Африки, еще дальше – карьера бизнесмена. Хотя о бизнесе в российские восьмидесятые можно было лишь робко мечтать, отец Сергея отлично знал, что у России с Китаем всегда было и всегда будет большое торговое будущее.

– Если ты хочешь чего-то достичь в своей жизни, – назидательным тоном говорил Сергею отец, – то ты обязан не просто хорошо разбираться в экономике обеих стран, ты должен влезть в шкуру китайца, понять их традиции и менталитет, научиться думать, а не только говорить на их языке... Понимаешь?

И Сергей это понимал. Но и у него, несмотря на серьезные карьерные устремления, все же случались сбои, вполне объяснимые молодостью или простыми, хотя и редкими в его

жизни, неудачами. Например, с первым пунктом жизненного плана, золотой медалью, едва не случился большой прокол. Все чуть было не сорвалось. Учительница химии по итогам десятого класса и результатам контрольных работ вдруг решила, что Пономарев знает химию только на «четыре». А это означало срыв всех семейных планов.

Отец, специально взявший отпуск и прилетевший в Москву последней школьной весной Сергея, отправился к учительнице с огромной коробкой конфет и крохотным флаконом французского парфюма. Однако разговор с учительницей ни к чему не привел, и Пономарев завернул в кабинет к директору, которого давно и хорошо знал. Никто не знает, о чем они говорили, но уже через час туда вызвали учительницу химии, и она вышла от директора с красными от слез глазами. Возможность получения Сергеем золотой медали больше никто не оспаривал; впрочем, и оснований для этого он никому больше не давал.

Итак, подобные неудачи в его юношеской судьбе случались. Но выглядели они не более чем досадной мелочью, случайной и несерьезной помехой на его пути. Сергей Пономарев заслуживал в жизни всего самого лучшего, и заслуживал по-настоящему. Так считал он сам, так считали и его ближайшие верные друзья.

А ближайшими друзьями Сергея были Света Журавина и Антон Житкевич.

Глава 2

Антон всегда считался любимцем класса, и не только считался, но и по-настоящему был им. Подвижный, заводной, вечно куда-то спешащий, с жизненным графиком, расписанным по минутам, улыбчивый и прямодушный, в своем классе он был и кумиром, и примером для подражания. Учителя, улыбаясь, замечали о нем: «Он в классе как ясное солнышко!» – и любили Антошку за вдумчивость и трудолюбие. А одноклассники, в свою очередь, обожали парня за полное отсутствие вредности и какую-то врожденную, редкостную по нашим временам доброту.

Среднего роста, крепкий, со светлыми непокорными вихрами, Антон не был таким откровенным красавцем, как его друг Сергей, но зато природа наградила его чудесными голубыми глазами с длинными ресницами. А недостаток снобизма в Антоне искупался простодушием и обаянием.

Одноклассникам и учителям «неразлучной троицы», как называли в школе Светлану, Антона и Сергея, запомнился дикий по тем временам случай, который произошел во время их учебы в девятом классе. На год старше их учился один отвязный парень. Он «положил глаз» на симпатичную и бойкую Свету Журавину, но, не добившись взаимности, принял-ся врать своим приятелям, что она за ним бежит. Новость довольно скоро распространилась по школе. Света Журави-

на была приметной девочкой, а откровения неудачливого поклонника оказались довольно грязными, и вскоре уже и в девятом «Б» Свету начали донимать вопросами: а правда ли, что?..

Поначалу она даже не знала, как отвечать, потом стала оправдываться, плакать. А кончилось все тем, что Светлана пожаловалась на обидчика друзьям. Вероятно, она и сама не представляла последствий своей жалобы, но Антон и Сергей долго размышлять не стали. На одной из перемен они просто отдубасили лгуна на глазах его ошеломленных одноклассников. Их напор и уверенность в собственной правоте возымели свое действие: парень признал, что был виноват, и во всеуслышание попросил у Светы прощения. Ребятам тогда здорово влетело от классной руководительницы:

– Эдак вы все в жизни привыкнете решать кулаками! А где же ваша знаменитая воспитанность? Почему не пытались поговорить с ним, переубедить, если посчитали его неправым?..

Друзья молчали, уверенные в своей правоте. Они не желали оправдываться, не хотели посвящать учительницу во все детали «дебоша» (именно так охарактеризовала она это происшествие). Зачем, если взрослым все равно не понять их логику, их дружбу, их преданность друг другу?.. Да и случай этот был, пожалуй, единственным и не имел никаких последствий. У троицы было чем заняться и без школьных глупостей.

К подростковому возрасту и Сергей и Антон уже имели серьезную цель в жизни. Сергей грезил о дипломатической карьере, а Антон мечтал стать ученым – его подлинной страстью была медицина.

Антон рано научился читать, рано начал проводить целые часы за отцовскими книгами – огромными фолиантами, старинными анатомическими атласами, медицинскими энциклопедиями. Но ни дохляком, ни скучным «ботаником», которых обычно так не любят сверстники, Антон не был. Спасибо отцу, Николаю Васильевичу, свято верившему в пользу физической активности и упрямо таскавшему за собой сына в походы, на каток, на лыжные прогулки...

Учеба давалась Антону легко. К языкам у него были способности, к знаниям – настоящая тяга, и мало-помалу в классе привыкли считать, что Антон – везунчик, счастливый человек, которому все удастся. Вдобавок его внешность – хоть и не была такой аристократически безупречной, как у Сергея – немало способствовала его популярности. У Антона были мягкие черты лица; глаза такой голубизны, какой природа редко наделяет представителей сильного пола; милая, чуть застенчивая улыбка, очень светлая кожа. Такая внешность даже доставляла Антону некоторые неудобства, она привлекала внимание не только девчонок-сверстниц, но и девушек постарше.

К своим пятнадцати годам Антон вытянулся и превратился в очень привлекательного юношу. Девочки в классе очень

рано начали забрасывать его записочками, назначали свидания или просто желали встретиться «по делу». Ему предлагали дружить и просто ходить в кино, а Антон отмалчивался. Когда же настырные одноклассницы особенно напирали, он коротко и прямо отказывался от дружбы. Разумеется, девочки дулись, потом все же опять предлагали «вечную дружбу», и в целом получалась та самая милая и трепетная подростковая суета, о которой может вспомнить, наверное, с улыбкой каждый. Впрочем, все эти вихри кружились над головой Антона не так долго: очень скоро народ в классе (и особенно чуткие на сердечные дела девчонки) поставил четкий диагноз: кокетничать с Антоном Житкевичем бесполезно. Его сердце было искренне и как-то не по-юношески прочно занято одной Светой Журавиной.

Родителей Антона были в своем роде выдающейся парой. Оба имели медицинское образование; однако если старший Житкевич всегда кипел на работе, нередко возвращался из своего института за полночь, то мать предпочитала спокойно и не торопясь заниматься профессиональными делами дома. У нее с рождения были проблемы с сердцем, и она нашла для себя творческое и в то же время необременительное занятие – редактировать на дому медицинские статьи. Такая работа не требовала ни разъездов по Москве, ни пребывания в учреждении с девяти до шести. Когда же Антон подрос, то его постоянной и почетной обязанностью стала доставка маминих рукописей в редакции.

Кроме редактирования чужих текстов, Анна Алексеевна иногда и сама писала статьи по санитарно-гигиеническим и общемедицинским вопросам. Хлопотливая, всегда какая-то уютно-домашняя, постоянно занятая – то работой за пишущей машинкой, то увлеченным «сотворением» каких-то вкусностей на кухне, то вязанием в короткие минуты отдыха, – она была притягивающим центром не только для мужа и сына, но и для всего обширного круга друзей, которые любили бывать в гостеприимном доме Житкевичей. Гости приходили и по праздникам, и по будням – просто поговорить; часто засиживались с хозяином допоздна в разговорах на кухне. А вот Анна Алексеевна и Антон всегда уходили спать вовремя; Николай Васильевич очень следил за здоровьем жены и за режимом сына.

Старший Житкевич работал в крупном медицинском НИИ, был доктором наук, вел прием в клинике и в своей области – эндокринологии – стал одним из ведущих специалистов страны. К нему приезжали больные со всего Союза, и многие из них потом считали, что Николай Васильевич подарил им второе рождение. Однако всем этим людям и в голову не приходило, что подлинной своей страстью, подлинным призванием их замечательный доктор считал не практическое врачевание, а... железо – так называл он те тонкие и сложные приборы, которые чудесно оживали в его умелых руках и тоже получали второе рождение.

Дело в том, что Николай Васильевич обожал чинить раз-

ные старые бытовые машины. Регулярно реанимировал дышашую на ладан пишущую машинку жены, подлаживал и приводил в чувство старенький автомобиль. Да и родственники, друзья и соседи то и дело несли ему приборы – не только примитивные утюги и кофемолки, но и радиоприемники, проигрыватели, телевизоры... Жена и знакомые привычно посмеивались над «реаниматором всякой дряни», а Житкевич не обращал на насмешки никакого внимания, он самозабвенно ремонтировал все и вся, самостоятельно научившись разбираться в сложнейших электронных схемах.

Он мог до поздней ночи копаться в каком-нибудь «динозавре». Зато, если прибор начинал работать, лицо Житкевича-старшего расплывалось в счастливой улыбке.

Увлечение Николая Васильевича имело невиданное педагогическое воздействие на сына: Антон, как и отец, увлекся электротехникой. Однако простое, домашнее «железо» его совсем не увлекало: Антон задумался о приборах, которые могли бы лечить людей.

Отец к тому времени начал стремительно подниматься по карьерной лестнице; у него появилось больше возможностей – и организационных, и материальных. В жизнь стали входить компьютеры, и это, собственно, и были те самые умные машины, о которых оба Житкевича – и старший, и младший – могли только мечтать. Отец увлекся программированием, внедрением в медицину компьютерных методов и, разумеется, постаравшись, приобрел для дома хороший мони-

тор и системное обеспечение – такого ни у кого еще не было. Теперь по вечерам они с сыном часами разбирали ту или иную программу, до хрипоты спорили по поводу сложных компьютерных проблем или с удовольствием обучали мать работе в текстовом редакторе.

Им много пришлось разговаривать в эти вечера о будущем медицины. Отец все время упирал на то, что скоро стране понадобятся медики, которые не только будут уверенно держать в руках скальпель, но и станут разбираться в тонкой электронике, научатся работать с компьютером. Излагая свои мысли по поводу развития медицины, Николай Васильевич увлеченно высказывал самые смелые и неожиданные идеи – о замене органов умными приборами, о конструировании суставов и позвонков из металла. Он был так убедителен в своей увлеченности, так прозорлив, что Антон несколько не сомневался в его прогнозах и сам уже не мыслил для себя будущего без медицины.

Глава 3

– Эй, слышь, Антон! Ты куда на профориентацию записался?

В ответ на этот вопрос одноклассника наш герой только повел плечом: такой проблемы для него вообще не существовало. Когда в десятом классе, согласно существующему в те годы поветрию, их начали делить на профориентационные группы – слесари, машинисты, чертежники, электронщики, – Антон и думать не стал, куда бы ему определиться. Разумеется, на электронику!..

Однажды по осени они всей своей группой отправились на ВДНХ провести очередной урок по новой теме «Использование ЭВМ в передовой медицинской технике».

Само это модное и необычное слово «ЭВМ» было в ту пору у всех на слуху. И в их маленькой группе не было другого человека, которому все происходящее было бы так интересно, как Антону Житкевичу. Хотя он и понимал прекрасно, что все рассказываемое ему отцом и есть передовое слово науки (передовое некуда!), но все же это были домашние разговоры, привычные и будничные, а Антону хотелось воочию убедиться в правоте отца, услышать подтверждение его рассказам из чужих уст.

Когда десятый «Б» остановился перед крыльцом сине-белого павильона, сопровождающая их учительница еще раз

строго предупредила, чтобы во время беседы все вели себя тихо и не галдели. Разгоряченные долгой дорогой школьники, обычно легкомысленно относившиеся к нравоучениям, посерьезнели.

За тяжелыми дверями павильона они быстро нашли указанный сектор, где их группу встретил симпатичный бородач крепкого сложения, больше похожий на Деда Мороза, чем на ученого.

Сначала школьники втихомолку пошутили между собой, что этому дяденьке с такой-то внешностью – длинная белая борода и такие же белые волосы – лучше бы на утренниках детей развлекать. А потом притихли, завороженные его спокойной интонацией и уверенным тоном. Говорил же бородач о том, что скоро все в медицинской науке будет подчинено электронике. Тяжелый труд врача заменят умные машины, а няни и сиделки смогут больше не бодрствовать у постели тяжелобольного все ночи напролет, а заняться в это время чем-то более полезным, потому что все биологические процессы в теле больного будут контролировать компьютеры. И даже более того – машины станут не только выполнять функции контроля и наблюдения, но даже смогут и заменять отдельные органы, например руку или целую ногу. Так что ампутированные органы в скором времени смогут быть восполнены механизмами, которыми управляет ЭВМ.

Части человеческого тела, замененные машинами?! Некоторые ребята про такое и не слышали; им это казалось да-

лекой и даже не научной фантастикой... Один лишь Антон смотрел на лектора с пониманием, временами кивая ему и тихо радуясь знакомым терминам и профессиональным оборотам речи. Слова бородача чудесным образом перекликались с самыми смелыми планами его отца; сердце наполнялось радостью и предощущением чего-то большого и хорошего, и Антон верил всем рассказам этого странноватого лектора так, как не верил, казалось, никому в жизни. А странность его заключалась в том, что обычно люди такого уровня не работают со школьниками, их удел – высокая наука, международные конференции, награды и премии... В горячности профессора, в его желании донести до подростков непривычно сложные, далекие от школьной программы понятия – донести во что бы то ни стало! – было что-то донкихотское.

Говорил он с ребятами долго, увлеченно, очень подробно останавливался на устройстве того или иного органа и его электронного протеза-аналога. А заканчивая, сделал упор на том, что ему лично и стране в целом очень нужны молодые ученые, способные оценить и освоить потенциал новых методик, о которых он рассказывает.

– Ведь наше поколение стареет, – с неожиданной горечью, неуместной для случайной, разовой лекции, прибавил профессор. – Между тем такого электронного протеза, который мог бы заменить самостоятельную человеческую личность, «записать» в память компьютера возможности мозга, никто

еще не разработал. Я вот хоть и не совсем еще старый, – он погладил свою окладистую бороду, хитро посмотрел на слушателей, – но больше тридцати-пятидесяти лет вряд ли поработаю... Кто же потом-то меня сменит?

Все дружно рассмеялись. Приятно, когда такие серьезные, взрослые люди шутят с ребятами на равных, пусть даже и над собственным возрастом... Считая уже, что встреча подошла к концу, школьники привычно зашумели, кто-то сладко потянулся, кто-то хихикнул над шуткой соседа. Но выяснилось, что лекцией на этот раз занятие не закончится. Профессор предложил посмотреть «в деле» совершенно нового робота. Машина была создана как прибор, который может составить, собрать скелет человека, и четкого медицинского применения у нее еще не было. Профессор был совершенно уверен: рано или поздно человечеству обязательно потребуется такой робот.

– В организме человека много разных костей, – увлеченно рассказывал он, не замечая, что с прежним вниманием его слушает лишь один человек из группы – Антон. – Людям сложно запоминать их названия и назначение; тибетские ламы тратят по двадцать лет на обучение одного костоправа. А машина может держать информацию в своей памяти безо всяких усилий. Кроме того, машину можно доставить туда, куда врач не попадет, например, на Луну. Верно ведь? – Профессор посмотрел на ребят из-под очков и продолжал: – Ну а если и Луна вас не вдохновляет, придумайте сами, в каких

ситуациях могут понадобиться подобные машины. Уверяю вас, мы даже представить себе сейчас не можем, где будет применяться такое изобретение!

Он подошел к какому-то агрегату, включил его легким нажатием кнопки – и машина вздрогнула, повернулась, заскрипела и крюком, похожим на птичью лапу, начала вынимать из лежавшей перед ней груды косточек нужные, соединяя их определенным образом и нанизывая уже готовые позвонки один на другой... Агрегат выбирал шейные позвонки, маленькие и остроконечные; потом, по мере удлинения макета позвоночника, понадобились более крупные, они легко ложились один в другой. Машина довела сборку почти до поясницы, и перед удивленными зрителями появилось уже нечто, напоминавшее человеческий позвоночник, как вдруг что-то щелкнуло, металлическая лапа дрогнула, метнулась вбок, и целое распалось. Косточки со стуком покатались по полу.

Непонятно, что уж там случилось с умным роботом, но только налицо был какой-то сбой: то ли под неправильным нажимом, то ли из-за падения электрического напряжения в сети железная лапа, изображавшая руку, подвернулась, искусственный позвоночник упал и рассыпался на мелкие части. Машина остановилась. И не слишком-то чистый линолеум около демонстрационного стола оказался весь усыпанным осколками пусть муляжных, но все же человеческих позвонков.

Группа замерла. Девчонки тихонько заверещали, мальчи-

ки с недоумением уставились на разгромленный стенд. Профессор как ни в чем не бывало встал на колени и, низко опустив голову, принялся собирать мелкие металлические детали. Было ясно, что с его зрением это сделать не совсем легко... Вдруг Антон быстро вышел к стенду, опустился рядом с профессором на колени и, понимая, что никакая машина не разберет потом эту грудку, начал ловко складывать из «косточек» отдельные позвонки, нанизывая их на воображаемый позвоночный столб. Лектор поднялся с колен, осторожно положил уже собранные детали на край стола и с изумлением принялся наблюдать за Антоном. На его лице появилась широкая улыбка.

А Антон все подбирал и подбирал, складывал и складывал упавшие фрагменты искусственного органа, делая это чисто автоматически, не задумываясь, какая деталь, какой конфигурации и куда должна лечь... Он точно знал, что идет за чем, как сочетаются друг с другом выпуклости и вогнутости, как они примыкают друг к другу. Вся его предыдущая жизнь, беседы с отцом, читанные-перечитанные мамины переводы и статьи готовили его к этому шагу... Мальчик не замечал реакции окружающих, а просто работал: быстро и спокойно.

Так много раз по памяти он рисовал у себя в тетради человеческий позвоночник, так хорошо знал все закономерности расположения косточек, что без всякого промедления, за несколько минут сложил весь муляж до конца. И только теперь, обретя вновь способность воспринимать окружаю-

щую реальность, он вдруг заметил и одобрительные возгласы одноклассников, и добрую улыбку лектора, и неподдельное изумление в глазах учительницы.

— М-да... — протянул профессор, с недоумением почесывая в затылке. — Я смотрю, ты разбираешься в этом. Пожалуй, не каждый из моих студентов-старшекурсников в медицинском институте сможет так быстро собрать эту штуку. Молодец!

— Это не я молодец, — чуть смущаясь, ответил Антон. — Это родители мои постарались, всему меня научили, что сами знают.

— Вот и хорошо, — уже серьезно, без улыбки заметил профессор. — Поучили они, теперь могу поучить и я. Буду рад тебя видеть здесь; приходи, если тебе интересно.

Антон возликовал. Заинтересовавшись медициной, он очень много времени посвящал чтению специальной литературы, изучению научных журналов, и ему это безумно нравилось; монографии и учебные пособия по медицине он не променял бы ни на какие приключения и фантастику, которыми зачитывались его сверстники. Его любимым занятием было рисование в тетрадах контура человека — скелета, костей, отдельных суставов, мышц, мускулов... Его друзья многозначительно крутили у виска, когда он пытался поделиться с ними своим увлечением, а Антону это было по-настоящему интересно.

Создатель, изобретая человека, проявил такую гениальность, что парень не уставал восхищаться многообразием

придуманных им вариантов соединения частей в единое целое. А отец спокойно, хотя и с видимым удовлетворением наблюдая за его увлечением, давал ему краткие пояснения. Самое главное, на что он обращал внимание сына, — это неповторимость каждой биологической особи. Не существует двух людей с одинаковыми костями, сохраняются пропорции, но не размеры, которые всегда индивидуальны. Мало-помалу Антон принялся мечтать о создании умных машин, которые, будучи оснащены электроникой, смогут представлять все строение человеческого тела в его движении и гармонии. И вот эта встреча на ВДНХ, словно нарочно подстроенная судьбой, чтобы еще крепче привязать Житкевича-младшего к делу жизни его отца.

Именно знакомство с влюбленным в свою науку профессором Иваном Петровичем Лаптевым окончательно решило судьбу Антона. Каждую свободную минуту теперь он проводил в обществе нового взрослого друга. Они вместе думали над усовершенствованием различных механизмов, рассуждали о будущем, фантазировали о поистине волшебных возможностях компьютеров в медицине, и Лаптев ничуть не уступал мальчишке в безумстве и дерзости их общих мечтаний.

Позже Антон узнал от отца, что профессор Лаптев общепризнанный авторитет в медицинско-техническом мире. Дело в том, что обычно открытый, во всем доверяющий своим родителям Антон на этот раз долго скрывал свое новое

знакомство. Почему он устроил такую таинственность, он и сам бы не мог объяснить, должно быть, виной этому было простое подростковое упрямство, желание иметь собственную тайну и собственное личное пространство. Конечно, он часть известной в медицинском мире семьи, но он ведь и сам по себе чего-то стоит, он тоже личность. Повзрослев, Антон вспоминал потом эту свою игру в тайну с улыбкой, однако бесспорным было то, что уже подростком он ощущал, предчувствовал свое собственное предназначение.

Впрочем, тайна скоро раскрылась. Однажды после ссоры, вызванной его долгим отсутствием (такие вещи были в семье Житкевичей большой редкостью), возмущенные родители призвали его к ответу. Предвкушая их радостное удивление, Антон назвал наконец имя своего нового друга и не ошибся в ожиданиях: для отца это стало приятным сюрпризом.

Иван Петрович Лаптев, хорошо знакомый Житкевичу-старшему, был заместителем директора одного из институтов. Лаптев был известен в научных кругах не только своими замечательными работами, умом и талантом, но и тем, что имел довольно странное для ученого такого ранга хобби. Он много времени тратил на занятия с молодежью. Часто встречаясь со школьниками и студентами как раз в том павильоне ВДНХ, где произошло их знакомство с Антоном, демонстрируя ребятам несложные медицинские аппараты, он старался пробудить в них интерес к науке и найти продолжа-

телей своего дела. Отец давно знал и уважал Лаптева, однако не скрыл от сына, что, помимо научного авторитета, пожилой профессор известен всем также своей страстью к популяризаторству, над которой в ученых кругах принято иронизировать.

– Не боишься, что завтра профессор найдет себе на ВДНХ новых учеников, еще умнее и талантливее, чем ты? – хитровато прищурившись, спросил у Антона отец. И когда сын с возмущением затряс головой, отвергая саму возможность такой постановки вопроса, от души расхохотался и добавил: – Не волнуйся, шучу, шучу. Дружи с Лаптевым. Он правильный мужик, настоящий ученый и очень хороший человек.

Так новое знакомство Антона было не только одобрено семьей, но и вызвало немалое уважение и интерес родителей.

Большая жизненная игра, которую знающие люди называют карьерой, началась.

Глава 4

Последний школьный год пролетел для неразлучной троицы стремительно. Ребята так были заняты подготовкой к экзаменам, что на дружеское общение времени почти не оставалось. Тем не менее их привязанность друг к другу никуда не исчезла. Антон готовился в медицинский: зубрил химию с биологией, писал сочинения по особым правилам, по-прежнему встречался с Лаптевым и читал научные журналы. Сергей собирался сдавать иностранный язык, историю и сочинение – он мечтал о знаменитом Институте стран Азии и Африки при МГУ. Они были по-прежнему интересны друг другу: им все так же нравились одна и та же музыка, одни и те же книги и одна и та же девушка.

Света же тем временем успевала все. Гимнастику она оставила, как говорила ее мама, «только для себя», для поддержания формы; мечты о профессиональной спортивной карьере улетучились. На фоне подросших и разом, как одна, постройневших сверстниц девушка выглядела уже не такой высокой и худенькой, как раньше, да и особого стимула к новым гимнастическим победам у нее не было. В школе Светлана вполне утвердилась, славу самой изящной девушки класса она давно завоевала, друзьями и поклонниками среди мальчиков обзавелась. Теперь оставалось лишь приобрести хорошую и выгодную профессию. Математика ее нико-

гда не привлекала; посоветовавшись с матерью, она решила, что больше всего ей подойдет юриспруденция.

Чем занимаются юристы, девушка представляла себе весьма смутно. Но выйти на трибуну в строгом деловом костюме, произнести эффектную речь, привлечь к себе внимание всего зала – это было хорошо, красиво. Это ей подходит. «В крайнем случае буду сидеть в нотариальной конторе, – смеясь, говорила она друзьям. – Представляете, у меня будет своя собственная, именная печать: юрист Светлана Анатольевна Журавина. Разве плохо?» И парни, привыкшие ко всем Светкиным чудачествам, послушно кивали ей в ответ, мельком обмениваясь потом на ходу фразами: «И зачем женщине профессия?» – «Вот-вот, все равно скоро замуж выскочит, детей заведет...» Они оба прекрасно относились к Светлане, однако не преувеличивали степень ее интеллектуальных возможностей и не считали ум главным для женщины качеством.

А девушка в назначенный час смело отправилась сдавать экзамены на юридический факультет Московского университета. Света, к удивлению многих (спасибо приличной школьной подготовке!), без особого труда прошла вступительные испытания, став студенткой главного вуза страны.

Разумеется, Сергей и Антон не отстали от подруги в реализации своих планов. Каждый из них поступил именно в тот институт, который для себя выбрал. После школы пути ребят мало-помалу стали расходиться, они уже не виделись

каждый день. Какое-то время, в первую свою студенческую осень, они все же встречались по выходным, болтали, бегали в кино, слушали музыку, однако все это происходило уже больше по привычке, нежели по душевной потребности.

Только одна традиция, пожалуй, оставалась неизменной. собираться по праздникам у Житкевичей. Мать Антона всегда умела встретить ребят так, что они ощущали себя по-настоящему желанными гостями. Угостив молодежь чаем, поговорив с ними о том о сем, Анна Алексеевна умудрялась незаметно скрыться, ненавязчиво сославшись на дела.

В ту, самую первую осень они веселились вовсю, изображая друг перед другом своих новых преподавателей и сокурсников, рассказывая про студенческие приколы, обсуждая учебные планы занятий. Все это было для них новым и свежим, как запах краски в заново отремонтированных институтских аудиториях. Однако постепенно студенческие будни взяли свое, и все трое оказались загруженными подготовкой к семинарам, коллоквиумам, контрольным... Парни были заняты более плотно, чем Света. От Сергея занятия китайским языком требовали ежедневного многочасового тренинга, да и у Антона зубрежка тоже началась с первых же дней: в медицинском уже на первом курсе серьезно изучали латынь, биологию и химию.

По сравнению с вечно занятыми друзьями девушка казалась себе свободной, как птица. Куда хочу, туда и лечу. А куда она хотела, Света и сама пока толком не знала, главное,

что лекции и семинары не отнимали у нее слишком много времени. И она почувствовала себя совсем взрослой, скинувшей надоевшее школьное платье, отряхнувшей с себя привычные нормы поведения. «Старые дружбы, как листья, опали», – мурлыкала она себе под нос популярную в те времена песенку и в самом деле ощущала себя выросшей из всех старых привязанностей.

На ее курсе было много интересных молодых людей, в том числе и приезжие из разных городов, больших и маленьких, со всей страны и из Подмосковья. Были и совершенно взрослые, уже семейные дяденьки и тетеньки. Ничего общего у Светланы с ними, конечно, не было: они жили в общежитии, учились как проклятые, страстно осваивали нормы и правила московской жизни. Девушке же их интерес к «культурному наследию Москвы», как она это насмешливо называла, казался смешным и мелким. Как можно так серьезно относиться к Большому театру, например, или к Третьяковке, которая всегда здесь была, будет и дальше никуда не денется? В такие места можно ходить, когда тебя ведут за руку, в пятом или шестом классе. А во взрослом состоянии – да ни за что! Кругом клубится и бурлит такая интересная жизнь, и для нее нужно одно – деньги, а вовсе не образование или так называемый культурный уровень.

Она не могла усидеть в библиотеке, куда необходимо было регулярно ходить, чтобы законспектировать горы сухой, зубодробительной фактуры законодательных материалов. Не

могла и заучивать назубок статьи бесконечных законов: Света никогда не была зубрилкой. Что понимала легко, то и усваивала. А что не в силах была воспринять ее бедная головка, то, считала она, и не надо. Кто-нибудь другой это будет знать, вот и достаточно. Дружить Светка умела, и в школе всегда вокруг нее были товарищи и подруги, которые выручали девушку в трудных ситуациях. Но в новой группе, на первом курсе юрфака, она ни с кем не сошлась так близко, чтобы при случае попросить о помощи. В результате все кругом стали казаться ей смешными, занудными «ботаниками» и будущими ничтожными писаришками.

Но свято место пусто не бывает, и девушке поневоле пришлось искать себе дело по душе вместо быстро опостылевшей, не заинтересовавшей ее учебы. Так внезапным ее увлечением стали танцы. Света влилась в коллектив московской клубной молодежи; мать по-прежнему поддерживала ее во всем и души в ней не чаяла. Ей нравилось, что Света начала посещать танцевальные клубы, и она шила девушке нарядные и эффектные платья, юбочки, курточки по фасонам, которые только могли прийти в голову ее легкомысленной дочке. Мать сама помолодела, обшивая Свету и разделяя ее радость по поводу наступившего праздника взрослой жизни.

В те годы Клавдия Афанасьевна Журавина вдруг начала по-настоящему хорошо зарабатывать, выслужила пенсию, ушла из ателье, и у нее образовался круг богатых заказчиц, которых она приноровилась обслуживать. В Москве появи-

лись отличные ткани, модная фурнитура, и для таких умелых рук, как у Светланиной матери, работа находилась всегда. Поэтому, впервые перестав задумываться о нужде, она даже смогла поехать с дочерью отдыхать в Турцию.

Теперь Светлана по-новому смотрела на мир. Она наблюдала молодых людей, которые и на отдыхе в Турции, и в ночных клубах Москвы чувствовали себя как рыба в воде. На любые вопросы о роде их занятий они лишь таинственно улыбались. Скорее всего, днем они просто спят, хмуро думала девушка, поскольку на танцполе они проводили почти каждую ночь... Она видела, что эти ребята не считают денег, неизвестно откуда берут их и неизвестно как собираются жить дальше. В них было что-то такое, чего не было в тех людях, которых она знала прежде. А именно беспечность молодости, неограниченная финансовая поддержка семей, уверенность в завтрашнем дне. Богатые родители оплачивали вольную жизнь любимых чад, не считая ее вредной для молодых, не обремененных учебной организацией, и вслед за своими новыми знакомыми Света выучилась повторять, как эхо: «Танцуй, пока молодой...»

А кончилось это тем, что она еле-еле сдала зимнюю и весеннюю сессии за первый курс. Девушка все еще выгодно отличалась от своих сокурсников хорошо подвешенным языком и общим уровнем подготовки (снова спасибо родной спецшколе!). Но уже после второй сессии, когда она сумела сдать историю государственного права только с третьей по-

пытки, Светлана почувствовала: все, лафа кончается. Надо либо крепко засесть за учебу, чего ей совсем не хотелось, либо искать другие пути устройства в этой жизни.

Но какие, какие?.. Она думала об этом, а услужливая память подкидывала ей одни и те же воспоминания: Турция, сладкая и знойная... безмятежное теплое море... спелые фрукты... а ночью – танцы до упаду... Множество молодых людей, успех, комплименты, несколько сорванных поцелуев... И разговор по-английски с одним молодым обаятельным французом. Он приезжает каждый год в это место, на недельку, просто потанцевать. Потому что здесь, в Кемере, уверял он Светлану, собираются самые красивые девушки. Он был не такой, как все ее прочие знакомые, – недостижимый, свободный, легкомысленный, пылкий... и – что греха таить – невероятно притягательный.

– Жить весело – это настоящее искусство, Светлана, – говорил он ей по-английски, смешно растягивая ее имя («Све-етла-а-ана...») и небрежно постукивая ногтем указательного пальца по высокому стакану с соломинкой, наполненному коктейлем. – Так жить, чтобы, умирая, было что вспомнить, это немногим доступно!

Антон и Сережка, пожалуй, назвали бы его примитивным, думала девушка, а сама уже возражала собеседнику кокетливо и игриво – более игриво, нежели ей самой хотелось:

– Но вы ведь занимаетесь в жизни и чем-то серьезным, помимо отдыха на море? Работаете, делаете бизнес, может

быть, учитесь...

– О-о-о! – насмешливо и загадочно тянул в ответ француз, поедая Светлану глазами и не давая никакого определенного ответа на ее вопрос. – Такой хорошенькой девушке, как вы, не стоит забивать себе голову вопросами бизнеса или учебы!

Все это было немножко смешно, и все же стройный, загорелый, с выгоревшими волосами молодой француз произвел на Светлану неизгладимое впечатление. Ей захотелось жить так же легко и беспечно, как он, так же развлекаться, гулять, считая это нормальным и серьезным занятием. Из года в год приезжать в одно и то же место, отдаваться веселью днями и ночами напролет. И чтобы никто тебя не осуждал – ни комсомол, ни школа, ни институт, ни разные скучные и правильные взрослые. Вот хочет человек жить весело – и живет, и если он никому не причиняет при этом вреда, то никто не вправе ему это запретить. А главное, изумлялась Света (и это ей начинало нравиться все больше), он вовсе не собирается чувствовать себя виноватым за такой образ жизни – ни перед кем, в том числе и перед самим собой. У девушки появилась уверенность, что и она тоже имеет право устроить свою жизнь так, как хочет. Имеет право распорядиться своей судьбой по собственному усмотрению. Так она получила у самой себя «индულгенцию на право наслаждения жизнью» – кажется, в юридическом смысле это звучит вполне правильно?..

Однако снова наступила осень, и вновь начались занятия,

и ей опять пришлось вставать спозаранку и мчаться сломя голову в любую погоду на лекцию, где какой-нибудь скучнейший тип – старикашка, как говорила про себя Света, – уныло бубнил про какое-то там право... И девушка не выдержала. Решение давно созрело в ее душе, оставалось только признаться в нем самой себе и принять его как жизненное credo. Такая жизнь не для нее. Такая скука и обыденность, как юридическая профессия, – тоже. Она молода, хороша собой, и хотя модельный бизнес, куда берут красавиц, ей не светит (ростом не вышла – всего сто шестьдесят три сантиметра), но обаяния ей не занимать, а значит, найдется и для нее в жизни настоящее занятие. Таковую-то красоту, такой стиль, такую походку зарыть и закопать в пыльных библиотеках, в аудиториях со скучными и бедными однокашниками?! Да ни за что! Правда, не зная еще, чем заняться дальше, она продолжала по инерции время от времени ходить в университет, но все это уже было временное, лишнее, случайное в ее жизни. Света Журавина вышла на тропу своей войны, хотя и не сообразила еще, как эта ее война называется.

Глава 5

А тем временем их школьная компания продолжала распадаться. В первую их институтскую весну на студенчество свалилась неожиданная напасть – объявили призыв в армию для юношей дневного отделения. Приказ вышел неожиданно, никто не успел толком отреагировать на него, и вся мужская половина советских вузов попала под этот топор. Кроме тех немногих счастливчиков, чьи родители обладали «сверхпроходимостью» в нужных инстанциях, все были поголовно обриты в рекордные сроки.

Так получилось, что уже осенью Антон Житкевич собрался надеть кирзовые сапоги. Родители не смогли обеспечить ему никакой отмазки от армии, в отличие от Сергея Пономарева, дипломатическое семейство которого, обладая нужными связями, вовремя подсуетилось и решило проблему. Понятно, что у Антона начались совсем другие, новые приготовления и заботы, и на встречи с ребятами времени практически не оставалось. Однако и Серега, как казалось Свете, стал каким-то чужим и отдалился от друзей, все более увлекаясь своей китаистикой и всякими восточными делами. Лето он провел у родителей в Китае и там уже подрабатывал на какой-то мелкой должности в посольстве, что дало ему возможность почувствовать себя взрослым и даже получить немного денег, которые в Москве оказались настоящим со-

стоянием.

После долгого, многомесячного перерыва троица встрети­лась на проводах Антона в армию. В доме Житкевичей, как и всегда, было тепло и уютно, накрыт красивый стол, всюду расставлены осенние цветы – астры, георгины, хризантемы... Но хозяева были грустны, а Анна Алексеевна еле сдерживала слезы. Только сам виновник события не терял присутствия духа. Он не считал этот крутой поворот в своей жизни чем-то катастрофическим. Ну, отвлечется года на два от любимого занятия, раз уж родное государство так сурово к бедным студентам, понюхает порошу, узнает, почем фунт лиха... Потом все равно возвратится и доучится. Антон твердо знал, что ничто и никогда не сможет помешать ему стать врачом или специалистом по медицинской электронике.

Народу на проводах собралось немного. Кроме родственников и близких друзей, пришел профессор Лаптев со своей внучкой Настенькой, худенькой застенчивой девчушкой; ее воображение поразила рыжая персидская кошка Капа – любимица семейства Житкевичей, и малышка весь вечер зачарованно, не отрываясь, следила за повадками мудрого ленивого зверя.

– Вот вам, пожалуйста, – шутил Иван Петрович Лаптев, поглаживая по привычке бороду и стараясь хоть немного отвлечь Житкевичей от тяжелых мыслей, – законы современного шоу-бизнеса во всей красе. Согласитесь, что ваша Капа

– настоящая звезда, и, значит, у нее должны быть свои фанаты. Как, Настюша, согласна ты записаться в Капитолинины фанатки?

И все потешались над девочкой, делая вид, что шутка не вымучена, а напротив, легка и остроумна, и пытаюсь сосредоточиться на милых пустяках дружеского общения. А Николай Васильевич шептал жене на ухо, тщетно стараясь, в свою очередь, чтобы гости не заметили, что глаза у нее «на мокром месте»:

– Лаптев просто обожает свою Настасью, ни на минуту с ней не расстается, всюду с собой водит...

– И правильно, – кивала высокой прической Анна Алексеевна. – Мы-то с тобой теперь не скоро дождемся такой внучки: сначала Антошкина армия, потом еще годы учебы, потом надо будет карьеру строить... – И глаза ее вновь затуманились, а Житкевич-старший недовольно крикнул, убедившись, что его отвлекающий маневр не возымел никакого действия.

Гости разошлись рано, потому что Антону наутро нужно было выезжать в дорогу. Да и к долгому празднованию, конечно, никто не был расположен – ведь люди зашли попрощаться перед двухлетней разлукой, и поводов для особой радости не было.

Светлана с Сергеем вышли от Житкевичей вместе. Моросил осенний дождь, им обоим было невесело: их друг уезжал на долгий срок, покидал родной дом, его ждали неведомые

и вряд ли приятные испытания. Их компания распадалась, и хотя они виделись в последнее время совсем редко, но все же знали, что могут сделать это в любой момент, как только им захочется пообщаться друг с другом. А теперь – нет, теперь встреча уже не будет зависеть только от их желания...

Сергею было особенно тошно. В армию ему, конечно, не хотелось. Он был согласен с отцом, что это замедлит его карьеру, может быть, даже перевернет всю выстроенную с такой тщательностью судьбу, но он привык быть, как все, и даже лучше всех. Он бы, может быть, и отправился в армию, не стал бы так резко выделяться из общих рядов... Но отец очень быстро решил этот вопрос, даже не посоветовавшись с сыном: пошел на прием к начальнику райвоенкомата, получил для сына освобождение. В медицинских документах остался диагноз: плоскостопие, к строевой службе негоден. И Сергею ничего не оставалось, как только подчиниться, тем более что отец не раз потом сетовал вслух, что стоило это освобождение недешево.

Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что ради карьеры не имеет права терять такие важные стартовые годы, не должен участвовать в этом идиотизме государственного масштаба. Отец всегда говорил, что главное – высокий старт. Ведь китайский язык требует постоянного тренажа, и если бы он не послушался отца, пошел на поводу у своей гордости и отправился служить – значит, прощай, китаистика! Все его упорные труды пойдут прахом, а он ведь так вкалывал,

так упорно заучивал свои двадцать иероглифов в день! Поймал ритм, научился более или менее интонировать фразу и все же чувствовал, что язык только-только начал поддаваться ему... И от всего этого отказаться?! Хорошо Антону, он-то свои любимые кости чуть не с детского сада выучил, он их никогда не забудет. А у него, Сергея, совсем другая профессия, и длительный перерыв в ней равнозначен полному отказу от нее.

Стоп, кстати, а почему молчит Светка? Парень только сейчас сообразил, что они уже долго идут рядом молча, никак не реагируя на присутствие друг друга и полностью отдавшись каждый своим мыслям. Теперь, поглядывая на подругу, Сергей в который уже раз почувствовал сожаление по поводу всей своей армейской «несознанки». Так хотелось выглядеть перед ней взрослым, самостоятельным, крутым мужчиной. Ну, хотя бы таким, как Антон... Как сегодня весь вечер смотрела на него Светлана!

Девушка шла с ним рядом такая спокойная, красивая, выглядела такой соблазнительно-гибкой и стройной, что он вдруг словно увидел ее впервые. А она стала прехорошенькая, отметил про себя Сергей и уже привычно задумался: интересно, она-то что думает по поводу моего освобождения от армии?

– Светочка, у меня блестящая идея! – бархатным голосом, который так нравился его однокурсникам, предложил Сергей. – Пойдем ко мне, музыку послушаем. Вы с Антоном дав-

но у меня не были, я вам не успел показать, какие диски привез из Китая. У них там такие группы смешные, японский и китайский рок-н-ролл, представляешь? Да и зеленым чаем угощу, настоящим, с жасмином; я научился по всем правилам его заваривать...

Светлана почему-то по-прежнему молчала, и он поторопился добавить, смутно опасаясь ее отказа:

– Родителей, как всегда, нет. Мы никому не помешаем.

– Когда это ты боялся кому-то помешать? – мурлыкнула Света, широко раскрывая свои глаза с поволокой. – И разве в родителях дело? Просто поздно уже, меня мама ждет.

Она возражала слабо, потому что сама изумилась тому, насколько захотелось ей оказаться вдвоем с Сергеем в каком-нибудь уютном и теплом месте. Уйти от дождя и невеселых размышлений о будущем, окунуться в красивую атмосферу, ощутить мужскую заботу и аромат восточных сладостей!.. Именно это ей сейчас и было нужно. И Сергей, безошибочно верно истолковав ее кокетливый отказ, уже решительно взял подругу за руку:

– Вот от меня маме и позвонишь. Идем, и в самом деле уже поздно.

Светлана взглянула на него так зазывно и так неожиданно по-женски, что Сергей почти испугался своего успеха. Вообще-то, приглашая девушку к себе, он не преследовал никаких особенных, далеко идущих целей – она была своя в доску, почти родная, да и держали они ее всегда с Антоном

не за легкомысленную девицу, а за гордую и неприступную красавицу. А, собственно, почему?

Они быстро дошли до дома Пономаревых, по пути болтая ни о чем и почти не глядя в глаза друг другу. Обоим почему-то было тоскливо на душе, что-то уходило от них, и на смену прежним, простым и ясным отношениям шло что-то иное, незнакомое, пугающее...

Сергей взялся за сложную церемонию заваривания китайского чая, горячо и тщательно объяснял Светлане разные тонкости, а она смеялась над ним, как-то по-новому вороша его тонкие волосы, и не воспринимала всерьез всю эту, по ее собственному выражению, «ерундистику». Тогда разные восточные штучки, столь популярные в нынешней Москве, еще не вошли в моду, и девушка не только не испытывала никакого почтения к зеленой жидкости, но и вообще отказывалась понимать все эти выкрутасы вокруг таких простых вещей, как заваривание чая.

И Сергей, снисходительно изумляясь про себя, решил: «Что ж, пожалуй, есть в ней что-то примитивное. Но разве это ее портит? Нет, как ни странно, нет...» Для него-то было очевидно: то, с чем носятся китайцы целые тысячи лет, заслуживает хотя бы уважительного отношения, если уж не почтения и интереса. Жаль, что Светка не понимает этого. И все-таки она чертовски, сногшибательно хороша сегодня.

Разлив по толстым керамическим пиалам душистый золотисто-зеленый напиток, Сергей попросил:

– Светик, дай руку.

Она с недоумением, чуточку заинтригованная, протянула ему свою ладонь, и парень ласково и властно сжал ее в своих руках.

– Я должен сказать тебе то, чего еще никогда не говорил. Это важно... – он остановился, глядя, как приоткрылся ее рот и затрепетали длинные нежные ресницы. – Ты мне очень нравишься. Меня давно тянет к тебе... Я... я тебя хочу.

Он честно собирался сказать вместо последней фразы совсем другую – «Я люблю тебя», но отчего-то не смог. Да в этом, как тут же выяснилось, и не было необходимости: Светлана мигом потянулась к нему, раскрыла свои объятия, и он, прижав ее к себе, поцеловал в губы. Сердце его смятенно забило, горячая волна залила лицо, а девушка отвечала на его поцелуй так, будто ждала их всю свою девичью жизнь. «Вот оно что... – билась в голове у Сергея нелепая и нелогичная мысль, – вот оно, оказывается, что...» А что именно так удивило его в этом закономерном в общем-то исходе этого вечера, он и сам позже не мог сформулировать.

Это был тот самый момент, начиная с которого жизнь обоих молодых людей зримо переменялась. Их, что называется, понесло; страсть настойчиво и грубо, не терпя никаких возражений здравого смысла, захватила их тела и души. Спустя мгновение они уже были в комнате Сергея в его спартанской постели с жестким матрасом на низких ножках – ложе было сооружено с учетом всех многовековых китайских

рекомендаций. Пономарев уже обладал мужским опытом, и в его умелых руках Светлана почувствовала себя особенно красивой и взрослой, настоящей женщиной – соблазнительной, обожаемой, желанной.

Нет в мире таких молодых людей, которые в подобных обстоятельствах не забыли бы обо всем, и Светлана с Сергеем не стали исключением, пополнив бесконечные ряды страстных любовников, готовых поставить всю свою дальнейшую жизнь на карту ради своей любви.

Глава 6

С этого вечера события стали разворачиваться стремительно. Светлана была изумлена неожиданным поворотом событий. Она сделала открытие: то, что она искала, оказывается, было так близко, давным-давно лежало у нее под ногами! Почему ей раньше не приходило это в голову? Вот же, вот ее судьба – стать женой Сергея Пономарева, будущего дипломата, единственного наследника известной в дипломатических кругах фамилии. Да уж, с такой поддержкой, как у него, он точно не засидится в младших клерках при МИДе! У него наверняка будет не просто приличная, а даже выдающаяся карьера.

У девушки просто дух захватывало от таких замечательных и так неожиданно развернувшихся перед ней жизненных перспектив. Мысленно она уже видела себя хозяйкой красивого и богатого дома, женой дипломата. Успех в свете, мужские комплименты... приемы, рауты, танцы – боже мой! Тут-то ей и пригодятся ее красота, хорошее воспитание, знание языков... А главное, уже сейчас (при удачном повороте дела) ей не нужно будет думать ни о каких дурацких законодательствах, ходить на лекции, устраиваться на работу, участвовать в склоках судей и адвокатов, получать мизерную зарплату... К тому же Сережка ей нравится, всегда нравился больше всех других парней. Дура, она и не догадывалась, что

он тоже ее любит – и еще как! Его страсть в постели доказывала это лучше любых слов. Доходя до этого воспоминания в своих сладких думах, Светлана всегда немножко краснела. Ну что ж, они ведь уже совсем взрослые. Да, он стал ее первым мужчиной, и она нисколько об этом не жалеет!

Клавдия Афанасьевна быстро поняла – материнское сердце догадливо, – что дочь вступила во взрослую жизнь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поплакала тихонько (чтобы девочка не видела, не обвинила в консерватизме и отсталости), робко предупредила о контрацептивах, ненавязчиво поинтересовалась, будет ли свадьба. И для того, чтобы не мешать дочери, стала чаще уезжать к заказчикам, гостить у родственников и подруг. Мать помнила, как ей в молодости негде было побыть наедине с любимым, даже когда она уже вышла замуж. Да и ее единственный брак, казалось ей теперь, получился таким коротким именно потому, что в квартире, где они жили с родителями, постоянно кто-то крутился и молодым нельзя было вскрикнуть, ойкнуть или скрипнуть пружинами старенького дивана ни днем, ни ночью... Пусть хоть у дочки все сложится так, как надо, – комфортно и красиво. Позже будет что вспомнить о времени первой любви.

Антону новоиспеченные любовники решили временно ничего не говорить. Временно – то есть до тех пор, пока он не вернется из армии. Не в письмах же в самом деле сообщать о таких переменах в их жизни! Светлана, будучи де-

вушкой здравомыслящей, в глубине души все же опасалась, что любить-то ее Сергей любит, а вот жениться может на той, кого укажут ему родители. И потому, не форсируя события, но и не упуская из виду конечную цель их отношений, она почти не заводила прямых разговоров о свадьбе, действуя осторожно и исподволь.

– Давай скажем о нас Антону, когда поженимся. Вот он обрадуется! – например, говорила она Сергею, не ставя любовных вопросов «когда» и делая вид, что само по себе это уже давно между ними вопрос решенный.

– Разумеется, обрадуется! – подхватывал он, тоже избегая конкретных дат и договоренностей и словно бы пропуская слова о свадьбе мимо ушей. – А как еще должен отреагировать лучший друг?..

Уж Сергей-то лучше всех знал, как равнодушен Антон к их общей подруге; вряд ли новость об их романе сильно его обрадует. Но что же делать, философски рассуждал юный дипломат, удача сопутствует ему! Света тоже прекрасно знала о давней влюбленности Антона Житкевича, интуиция у нее была на уровне. Да и девчонки ей все уши прожужжали про его безответную любовь. Однако ей сейчас не хотелось об этом даже вспоминать, и, кроме того, в душе появилось какое-то пренебрежение к Антону: зачем молчал, почему не признавался, дурак? Упустил свою золотую рыбку, прохлопал удачу. А ведь мог бы уже давно застолбить ее за собой! Застолбить – именно так она и выражалась в своих

потаенных мыслях, расценивая себя как золотое месторождение или ценный приз в жизненной гонке за счастьем.

С того памятного вечера, «с чайной церемонии», как любила повторять Светлана, они готовы были видеться каждую свободную минуту. Их роман с самого начала был бурным и со временем только набирал обороты. Молодые люди так давно и хорошо знали друг друга – характеры, привычки, взгляды на жизнь, семейные уклады, – что им не надо было тратить время на познание всех этих житейских обстоятельств. Теперь они познавали только потаенные закоулки тела, легкомысленно полагая, что уж душу-то друг друга они изучили давно. И это взаимное открытие телесной привлекательности, это пиршество плотских радостей было столь увлекательным, что молодая пара напрочь забыла обо всем, что не имело прямого отношения к их любви.

Однако будничная жизнь вскоре довольно настойчиво напомнила о себе: к концу второго курса и у Сергея, и у Светы возникли нешуточные проблемы с учебой. У Светланы они бывали и раньше (правда, вопрос об отчислении еще никогда не стоял), а вот для Пономарева это стало неожиданностью. Вероятно, он невольно связал бы эти проблемы со слишком сильным увлечением девушкой и начал бы понемногу от нее отдаляться, однако Света лишила возлюбленного такой возможности. Именно в этот момент она и начала массированную атаку на парня.

Пора выходить за него замуж – так она решила и начала

действовать. Наконец-то у нее будет дело, которому она сможет посвятить свою жизнь. На законном основании она бросит всю эту дурь (иначе свое студенчество девушка уже и не называла) и начнет создавать мужу условия для учебы и карьеры. Они будут жить вместе. Не станут тратить время на свидания. Она мечтала по утрам готовить Сереже вкусный завтрак, провожать его на занятия, потом убирать квартиру, готовить обед, стирать и гладить... Это и есть ее призвание!

На самом деле Светлана понятия не имела обо всех этих женских занятиях, которые домохозяйки «со стажем» не зря именуют домашней каторгой. Однако считала, что так ей будет проще, веселее и интереснее. А главное – она обретет свободу, куда захочет, туда и пойдет, когда захочет, тогда и поедет отдыхать.

– Но на что мы с тобой будем жить? – пытался урезонить ее Сергей. Он сопротивлялся девушке вяло, потому что ее привлекательность в его глазах все еще была очень высока. Однако здравый смысл все же призывал его к осторожности. – Я же еще учусь, а родители вряд ли будут всерьез помогать, они не приветствуют таких ранних браков.

– Подумаешь, проблема! – уверенно отвечала ему Светлана. – Летом заработаешь, будем экономить. А я посвящу тебе все свое время, стану любить тебя, заботиться о тебе. Найду какую-нибудь подработку. Моя мама поможет, в конце концов... Выкрутимся! А потом ты начнешь работать, и все вообще образуется.

И она прижималась к Сергею всем своим гибким, точечным, желанным телом, и он, почти теряя сознание от жара, который исходил от нее, забывал обо всем и ощущал одну только гордость за то, что его любит такая потрясающая девчонка. И, обнимая ее, он невольно снова и снова вспоминал о той победе, которую сумел одержать над ничего не подозревающим другом. Антон там, в армии, небось грезит о Светлане, а в это время... она... с ним, с Сергеем...

Антон действительно не забывал о своих друзьях, хотя, надо признаться, особого времени для любовных страданий и воспоминаний о прошлом у него не было. С самого начала армия представлялась ему ненужным, но неизбежным периодом в его мужской жизни, и, собственно, так оно и вышло. Несмотря на то, что Антон был наслышан: москвичей в армии не любят, «деды» свирепствуют, служба тяжела, — у него не было никаких особых предпочтений, где служить. Ему было все едино, в каких частях и в каком климате отбывать эти два года. И все потому, что парень был поглощен одной-единственной мыслью: как можно быстрее отслужить и возвратиться в мединститут, к своим «железкам», к любимому занятию.

И все-таки, несмотря на полную неспособность Антона изворачиваться и устраиваться в жизни (а может быть, как раз именно поэтому), ему повезло. Головастых, грамотных ребят, вчерашних студентов, командование ценило и в обиду старалось не давать. Эти мальчишки вполне могли вы-

полнять офицерскую бумажную работу, и Антон Житкевич очень скоро оказался среди таких счастливичков. Мало того что он с самого начала попал в воздушно-десантные войска, да к тому же и в строю надолго не задержался.

Дело в том, что уже в самом начале службы, прыгая с парашютом, он сильно повредил ногу. Антона положили в госпиталь, а затем прикомандировали к войсковой части в Подмосковье, в штаб батальона. Это была канцелярская работа в чистом виде, и назначение на это место, разумеется, рассматривалось как временное, на период окончательного выздоровления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.